

Шадр. И. Дмитриевич
(100 лет со дня р.)

12/II-87

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

12 ФЕВ 1987

ХУДОЖНИК, КРИТИК, ЗРИТЕЛЬ:

ОБГОНЯЮЩИЙ ВРЕМЯ

100-летие со дня рождения Ивана Дмитриевича Шадра побуждает вновь обратиться к светлому и возвышенному образу этого необыкновенного русского художника, к его наследию, к его замыслам, мыслям об искусстве и будущем. Все в Шадре волнует, все в нем незаурядно и ярко. И его жизнь, и его пластика, и его заветы.

Созидательное начало было заложено в нем от природы. Он родился в Зауралье, в заштатном городе Шадринске (отсюда псевдоним — Шадр), в семье плотника Дмитрия Евграфовича Иванова, предки которого пришли сюда с Урала — края, подарившего нашей культуре замечательных камнерезов, искусных кузнецов, спорых в деле зодчих, гидростроителей, металлургов, оружейников. Род матери — древний, происхождения палехский. Отец отличался буйной фантазией и отсутствием деловой хватки. Его образ — мечтательный и мощный — одновременно — воплощен в шадровском «Сезоннике». Близким ему был тольковый сын Иван, сильно похожий на него всем своим складом. А в его семье было двенадцать детских ртов.

Ребенком Иван был отдан «в люди» — на ватно-шерстяную фабрику в Екатеринбург. В 13 лет, когда он полностью доказал свою непригодность по торговому делу, хозяева просто-напросто выгнали мальчика на улицу. Случай столкнул его с директором художественной школы М. Ф. Каменским, другом Л. Н. Толстого и Н. Н. Ге. Ваня удивил своими способностями. Не имея никакой подготовки, он прошел первым по конкурсу, в котором соревновались 32 претендента. В школе Иван встретил и второго учителя, оказавшего на него влияние, — будущего знаменитого советского ваятеля, Героя Социалистического Труда Т. Э. Залькална. Латышский скульптор, может быть, первым увидел в своем ученике не простого ремесленника-гранильщика, но художника. И после окончания школы начались другие «университеты». Шадр повторил одиссею А. М. Горького, пройдя пешком пол-России. В конце концов добрался до столицы.

Петербург встретил неприветливо. В академию поступить не удалось. Ночевал в развалившейся барже. Зарабатывал пением. Встретил шарманщика

с обезьянкой и вступил в компанию. Ниже упасть, казалось, было невозможно... Между тем голосом Ивана заинтересовался режиссер Александринского театра М. Е. Дарский. Прямо с улицы он привел статного певца в Императорское театральное училище. В этот день знаменитый артист В. Н. Давыдов обрел ученика. Вскоре, чтобы поддержать новичка, он дал концерт в его пользу, а чтобы удовлетворить его интерес к изобразительному искусству, написал рекомендательное письмо Н. К. Рериху. Шадр стал одновременно заниматься и в Школе общества поощрения художеств. И хотя существование по-прежнему было вполне бедняцким, закаленный сибиряк попросту не замечал невзгод — его жизнь была полной и интересной.

Городская управа Шадринска помогла земляку субсидией — он увидел крупнейшие музеи Парижа и Рима. Перед началом первой мировой войны он вернулся в Москву. Отныне вся его жизнь была связана с этим городом, хотя иногда он выезжал за пределы Москвы. Одна из самых важных командировок относится к 1922 году. Гознак заказал ему символические изображения новых хозяев страны — рабочего и крестьянина. Гравюры с его скульптур должны были украсить денежные знаки. Он отправился в родные места. Трудно было уговорить мужиков позировать. Когда лепил — собирался народ. Кричали избранному натурщику: «Пострадай, Киприян, во славу СССР!» Тот молчал — знал, что завидно соседям.

Особое место занимает в творческом наследии Шадра памятник В. И. Ленину на Земле-Авчальской гидроэлектростанции. Это был первый такого масштаба памятник вождю — вместе с постаментом в высоту пятиэтажного дома. Это был первый памятник в Закавказье. Это был первый памятник на электростанции, сооруженной по плану ГОЭЛРО, вдохновителем которого был Ильич. Художественно-политическое значение этого монумента трудно переоценить.

Сложности, с которыми столкнулся Шадр при реализации своего замысла, заслуживают, пожалуй, отдельной публикации. Он лепил на площади, на высоте предполагаемого постаментов, боролся с перспективными искажениями, «удлиняя свои руки» с помощью телефона, по которому отдавал приказы помощникам.

Прекрасная фигура выситя на слиянии Арагви и Куры, недалеко от известного памятника грузинской архитектуры Джвари. Вождь характерным жестом указывает на плотину как зримое свидетельство реальности наших планов. А. М. Горький, увидев творение, был захвачен его строгой пластической выразительностью. «Впервые человек в пиджаке, отлитый из бронзы, действительно монументален и заставляет забыть о классической традиции скульптуры», — сказал он.

Еще об одном замечательном произведении мы вспоминаем сегодня — я говорю о «Бульжнике — оружии пролетариата». Эта скульптура полна динамизма, непосредственности, правды. Думаю, что много определено непосредственным участием художника в революции 1905 года — он был боевиком в дружине екатеринбургских рабочих. Нынче скульптура широко известна, она установлена в одном из скверов на Красной Пресне.

Удивительны портреты, выполненные Шадром. Он словно ждал от человека эмоциональной разрядки и лепил его в момент высшего душевного напряжения. Таков, в частности, портрет известного революционера, одного из первых советских дипломатов Л. Б. Красина.

Шадром немало сделано, еще больше было задумано. В числе грандиозных проектов ранний «Памятник мировому страданию», более поздние памятники Парижской Коммуны, Сакко и Ванцетти, большевиком на Кавказе, Галилео Галилею, Руалю Амундсену, аллегорический монумент «Владыкой мира будет труд!» Так же, как и его современник Маяковский, скульптор чувствовал себя в долгу перед всем происходящим на его глазах. «Жизнь, — писал он, — обогнала сказку... Образы, созданные жизнью, «заждались» художников...»

Наше: авиа в стратосфере.
Наше: радио.

Наш: «заговоривший «великий немой».

Наш: отважный человек, «разогнувший усталую спину». Все это огромные темы, ждущие литературного, пластического, архитектурного и живописного осуществления».

Иван Дмитриевич Шадр давно вошел в мою жизнь. Первые его работы я увидел в Третьяковской галерее, куда вместе со сверстниками бегал почти каждый день через дорогу из Московской художественной школы. Потом обнаружилось, что живу напротив дома Шадра — в Брюсовском переулке. И мы с другом решили пойти туда. Дверь открыла жена скульптора Татьяна Владимировна. Это посещение осталось в памяти, оно открыло нам мир Шадра. Татьяна Владимировна сохранила сотни рисунков, эскизов, фотографий, рукописи. В 1978 году в издательстве «Изобразительное искусство» вышла в свет книга, где собраны литературное наследие, переписка и воспоминания о скульпторе. Это полезное чтение, поскольку мы прикасаемся к жизни цельной, чистой и в помыслах, и в действиях. «Его честность и безупречность были настолько велики, — писала В. И. Мухина, — что они могут служить нам примером, во многих случаях в нашей скульптурной общественной жизни следовало бы в будущем задавать вопрос: «А как бы поступил Шадр?» Ориентировка на его поведение была бы безошибочной».

Земляки свято чтут память классика советского изобразительного искусства. В Шадринске есть дом-музей скульптора. Была оказана честь и мне — предложили создать памятник Ивану Дмитриевичу. Я включил в его композицию «Сезонника» и «Бульжника — оружие пролетариата»...

Юрий ЧЕРНОВ,
народный художник РСФСР.

И. Д. Шадр в мастерской.

471